

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ

НА ТЕРРИТОРИИ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ
МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА

(НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ 1917 г.)

Священник Павел Арцабович

магистр теологии

аспирант кафедры церковной истории Московской духовной
академии

141312, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия

pavelartsabovitch@yandex.ru

Для цитирования: Арцабович П., священник. Мероприятия советской власти в отношении Церкви на территории Орловской губернии в первые месяцы после октябрьского переворота (ноябрь–декабрь 1917 г.) // Богословский вестник. 2025. № 1 (56). С. 187–204. DOI: 10.31802/GB.2025.56.1.009

Аннотация

УДК 2-674|27-9|271.2

Цель статьи — проанализировать взаимоотношения Церкви и органов советской власти в Орловской губернии в период от октябрьского переворота до Декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Исследование основано на нормативных актах советской власти, архивных материалах, данных местной печати, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Применяя методы историзма, а также структурный анализ, автор пришел к выводу о том, что уже первые распоряжения советской власти, прямо не носившие антицерковный характер, в той или иной мере затрагивали хозяйственную, финансовую и административную части деятельности Орловской епархии. Таких распоряжений было четыре: «Декрет о земле», «Положение о рабочем контроле», декреты «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов

состояния». «Декрет о земле» легализовал возникшее в марте–апреле 1917 г. аграрное движение, которое в ноябре 1917 г. вылилось в грабежи монастырей и отобрание церковной собственности. «Положение о рабочем контроле» спровоцировало беспорядки на Орловском свечном заводе, которые нарушили работу предприятия и поставили под угрозу обеспечение приходов необходимыми для богослужений предметами. В марте 1918 г. завод был отобран у Орловской епархии, что лишило епархию около трети доходов. Декретом «О гражданском браке и ведении книг актов состояния» советская власть вывела метрификацию из ведения Церкви, что создало огромные проблемы для населения Орловской губернии, поскольку создание органов ЗАГС произошло только в августе 1918 г.

Ключевые слова: Орловско-Севская епархия, Октябрьский переворот, Русская Православная Церковь, Орловские монастыри, Орловский епархиальный свечной завод, епископ Серафим (Остроумов), репрессии, Орловский епархиальный съезд, духовная консистория.

Actions of the Soviet Authority in Relation to the Church in the Territory of Oryol Province in the First Months After the October Coup (November–December 1917)

Priest Pavel Artsabovich

MA in Theology

PhD student at the Department of Church History at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141312, Russia

pavelartsabovitch@yandex.ru

For citation: Artsabovich, Pavel, priest. “Actions of the Soviet Authority in Relation to the Church in the Territory of Oryol Province in the First Months After the October Coup (November–December 1917)”. *Theological Herald*, no. 1 (56), 2025, pp. 187–204 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2025.56.1.009

Abstract. The aim of this article is to analyze the relationship between the Church and the Soviet authorities in the Oryol province from the October Revolution to the Decree on the Separation of Church from State and School from Church. The research is based on the normative acts of the Soviet government, archival materials, and data from local press, many of which are being introduced into scientific circulation for the first time. By applying methods

of historicism and structural analysis, the author concludes that even the initial directives of the Soviet authorities, which were not explicitly anti-church in nature, affected the economic, financial, and administrative aspects of the activities of the Oryol diocese to varying degrees. There were four such directives: the «Decree on Land», the «Regulation on Workers' Control», and the decrees «On Divorce» and «On Civil Marriage, on Children, and on Maintaining Civil Status Records». The «Decree on Land» legalized the agrarian movement that emerged in March–April 1917, which led to the looting of monasteries and the seizure of church property in November 1917. The «Regulation on Workers' Control» provoked disturbances at the Oryol candle factory, disrupting its operations and jeopardizing the supply of necessary items for worship to the parishes. In March 1918, the factory was taken from the Oryol diocese, depriving it of about one-third of its income. With the decree «On Civil Marriage and Maintaining Civil Status Records», the Soviet government removed civil registration from the Church's jurisdiction, creating significant problems for the population of Oryol province, as marriage registration offices, were only established in August 1918.

Keywords: Oryol-Sevsk diocese, October Revolution, Russian Orthodox Church, Oryol monasteries, Oryol diocesan candle factory, Bishop Seraphim (Ostroumov), Great Russian Revolution, repressions, Oryol diocesan congress, spiritual consistory.

Введение

В отечественной историографии тема большевистских гонений на Православную Церковь после Октябрьского переворота изучена, кажется, досконально. Это касается не только общих работ, посвящённых истории Русской Церкви в указанный период. Орловские исследователи также обращались к данной теме. Однако научный интерес орловских историков направлен либо на события, последовавшие после принятия Декрета об отделении Церкви от государства (в основном на репрессивную политику Советской власти в отношении Церкви в 1918–1919 гг.)¹, либо на более поздние события: кампанию по изъятию церковных ценностей 1922 г. и на период репрессий 1937–1938 гг.²

После прихода к власти большевики не сразу начали открыто проводить антицерковную политику: тогда ещё велась подготовка и выработка Декрета об отделении Церкви от государства. Однако Советская власть уже в первые два месяца своего существования приняла ряд распоряжений, прямо не являвшихся антицерковными, но затронувшими хозяйственную, финансовую и административную части церковной организации на территории Орловской губернии. К таким распоряжениям относятся:

- 1) Декрет о земле, принятый 26 октября 1917 г.;
- 2) Положение о рабочем контроле, принятое 14 ноября 1917 г.;
- 3) Декрет о расторжении брака, принятый 16 декабря 1917 г.;
- 4) Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния, принятый 18 декабря 1917 г.

Существовали и другие распоряжения советской власти, принятые в указанный выше период, однако, ввиду ограниченного объёма данной статьи некоторые распоряжения, по нашему мнению, лучше рассмотреть более обстоятельно; к примеру, Постановление Наркомата Просвещения о передаче церковно-приходских школ в ведение государства, принятое 11 декабря 1917 г., в данной статье не рассматривается, поскольку вопрос о ликвидации духовного образования Советской властью в Орловской губернии заслуживает отдельного исследования.

1 Ливцов В. А. Репрессивная политика советской власти в отношении Русской Православной Церкви на территории Орловской губернии в годы Гражданской войны и после ее окончания // Современные проблемы регионалистики: Сборник по материалам II Мерцаловских чтений. Т. 1. Орёл, 2016. С. 244–248.

2 Перелыгин А. И. Русская Православная Церковь в Орловском крае 1917–1953 гг.: [дис... канд. ист. наук: 07.00.02]. Орел, 2009. С. 27–89.

«Декрет о земле»

Двадцать шестого октября 1917 г. на Втором Всероссийском съезде Советов был принят «Декрет о земле». В нём объявлялось, что «все земли удельные, монастырские, церковные, со всем живым и мертвым инвентарем, усадьбами постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, вплоть до Учредительного собрания»³.

Захваты земель, вызванные, в том числе, «Декретом о земле» затронули прежде всего монастыри Орловской епархии. Настоятельница Введенского женского монастыря города Орла доносила в духовную консисторию, что принадлежащая монастырю дача, находящаяся в Драгунской волости Карачевского уезда, подверглась разграблению местными крестьянами, срубившими строевой и дровяной лес и расхитившими монастырские дрова⁴.

Наиболее пострадавшим оказался Ливенский Марие-Магдалинский монастырь, уже с сентября 1917 г. подвергавшийся нападениям со стороны крестьян. Четвёртого ноября, во время служения всенощной, в монастырь явились представители местных сельских комитетов с требованием к сёстрам разойтись. Также им было донесено о том, что весь хлеб и скот будет реквизирован, а управление монастырём возлагается на комитет. Поступили угрозы и в отношении настоятельницы, которая, опасаясь за свою жизнь, покинула монастырь⁵.

Через пять дней крестьяне деревни Андриановка совершили организованное нападение на обитель. Вооруженные вилами, крестьяне подошли к монастырю, который охраняла команда солдат из четырнадцати человек⁶. Солдаты предложили нападавшим разойтись, в противном случае к ним должна быть применена сила. Был дан предупредительный залп в воздух, который рассеял толпу, побросавшую принесенные с собой вилы и другое оружие. Несколько человек напали на стоявшую неподалеку монахиню и начали её избивать. Тут же зазвонил монастырский набат, который собрал к обители жителей села Никольское — людей, относившихся к монастырю с должным почтением. Вместе с ними подоспел и священник этого села, отец Дмитрий Селихов, убедивший крестьян Андриановки воздержаться от бесчинств и грабежей. Десятого

3 Декрет о земле съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Декреты Советской власти. Т. 1. Москва, 1957. С 17.

4 Рубка монастырского леса // ГН. 1917. № 156. С. 4.

5 Вмешательство крестьян в управление женским монастырем // ОВ. 1917. № 251. С. 3.

6 Разграбление монастыря // ОВ. 1917. № 268. С. 3.

декабря в монастыре было созвано собрание сельского земельного комитета, члены которого вели себя крайне разнузданно и вызывающе: ходили по храму в шапках, курили и сквернословили⁷. Комитет высказал негативное отношение к монастырю, присутствовавшие на собрании монастырский священник и диакон никак не могли изменить мнения заседавших⁸.

Окончательно монастырь был разграблен 14 января 1918 г. Настоятельница в рапорте на имя преосвященного Серафима писала, что вечером 14 января в монастырь явились толпы жителей села Губанова и начали грабить всё, что уцелело от предыдущих реквизиций. Были украдены тридцать лошадей, тридцать пять коров, два быка-заводчика, семнадцать свиней и поросят, вся птица, двадцать пять пудов мяса, четырнадцать штук сырых кож, семьдесят один пуд пеньки, шестнадцать станковых колес, а также весь корм⁹. По словам настоятельницы, убыток от грабежа составил порядка двухсот тысяч рублей¹⁰. Озверевшая толпа стала грозить настоятельнице смертью. Опасаясь того, что от угроз крестьяне перейдут к действиям, настоятельница переделалась в светскую одежду и через задний ход покинула обитель¹¹.

Крестьяне деревни Лешни Кромского уезда, а скорее всего местные активисты, захватили 13 ноября 1917 г. имущество местного Предтеченского женского монастыря. Была произведена опись и проверены запасы монастырского хлеба, которого оказалось две тысячи пудов¹². Было предложено реквизировать хлеб у обители по цене 3 руб. за пуд, оставив ста тридцати монахиням всего пятьдесят пудов. Но и это обещание исполнено не было — монастырский хлеб попросту украли. Были произведены обыски в амбарах, сараях и прочих хозяйственных постройках. Сёстрам было приказано покинуть монастырь¹³. В конце января 1918 г. крестьянами деревни Алёшенки монастырь был окончательно разграблен: украли даже яблоки и капусту¹⁴. Монахини пы-

7 Погромная волна // ГН. 1918. № 7. С. 4.

8 Там же.

9 Рапорт настоятельницы Ливенского Марие-Магдалиненского монастыря игумении Магдалины епископу Орловскому Серафиму (Остроумову) об ограблении вверенного ей монастыря // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 25. Москва, 2022. С. 133.

10 Там же.

11 Разгром монастыря // ОЕВ. 1918. № 5–6. С. 131.

12 Захват монастырского имущества // ОЕВ. 1918. № 5–6. С. 131.

13 Там же.

14 Нам пишут. Из Кромского уезда // ОВ. 1918. № 40. С. 4.

тались оспорить выселение из монастыря, обратившись с жалобой в Кромский уездный земельный комитет. На заседании комитета 13 марта 1918 г. постановили отказать монахиням в наделении их земель из монастырских угодий. Им было «заботливо» предложено вернуться в свои дома и получить землю по «норме, наравне с другими»¹⁵.

Двадцать восьмого февраля 1918 г. в Клетнёвскую Троицкую пустынь Брянского уезда явились двенадцать вооружённых солдат и заставили монахов собраться. Было объявлено, что монастырь берётся на учёт. Игумену Ионе и казначею Антонию было приказано отдать ключи от ризницы и кладовой. Солдаты похитили десять тысяч рублей монастырских денег и увели четырёх монастырских лошадей¹⁶.

«Декрет о земле» коснулся также приходских храмов. Так, крестьяне села Усох Трубчевского уезда 10 ноября 1917 г. захватили мельницу и весь находившийся там инвентарь, принадлежащий Преображенскому храму города Трубчевска¹⁷. На следующий день жители деревни Верхние Городцы захватили вторую мельницу, которая также была собственностью Преображенского храма. Обращение Консистории к губернскому комиссару, с просьбой вернуть собственность храма в законные руки, не возымела какого-либо эффекта¹⁸.

«Положение о рабочем контроле»

Этот документ был принят 14 ноября 1917 г. «Положение о рабочем контроле» вводилось для «планомерного регулирования народного хозяйства» и для того, чтобы рабочие могли следить за «производством, куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия»¹⁹. Единственным предприятием, которое находилось в епархиальном ведении, был Епархиальный свечной завод. Открытый в 1889 г., он производил не только свечи, церковное вино и необходимые для богослужения предметы, но и играл ключевую роль в финансовом обеспечении административной и учебной деятельности епархии. Например, из доходов свечного завода выделялись средства на содержание служащих консистории, преподавателей семинарии и духовных училищ, а также многих других епархиальных проектов. По подсчётам исследователя С. А. Иконникова,

15 Кромский уезд // ОИРСиКД. 1918. № 17. С. 2.

16 Ограбление Брянской Троицкой пустыни // ОЕВ. 1918. № 7–8. С. 168.

17 ГАОО. Ф. Р–81. Оп. 1. Д. 50. Л. 329.

18 Там же.

19 Положение о рабочем контроле // Декреты Советской власти. Т. 1. Москва, 1957. С. 83.

чистая прибыль Орловского свечного завода в 1913 г. равнялась 319 240 49 рублей, что в тот год составляло практически треть от доходов церкви Орловской епархии²⁰.

Волнения на заводе, вызванные «Положением», начались через месяц после выхода документа. Рабочими завода было объявлено, что работы закончатся не 22 декабря, как это было ранее, а 21-го. Праздновать Рождество рабочие планировали до 2 января, а рабочий день был сокращён ими с восьми до четырёх часов²¹. Администрация завода не могла согласиться с подобными условиями: рабочих начали уговаривать вернуться к привычному графику работы. Однако усилия оказались бесплодными и администрации пришлось пойти на уступки рабочим, но при условии, что объём работ, не сделанный до выходных, будет выполнен после. Вышедшие на работу 2 января рабочие создали собрание, на котором было принято решение «ввести рабочий контроль в мастерских по производству свеч и розлива вина»²². Постановление было вручено администрации завода. Члены администрации заявили, что данное постановление не может быть ими утверждено, поскольку администрация не является собственником завода. Рабочие ответили на это криками: «Долой администрацию!»²³

Пятого января рабочие заявили, что они приступают к контролю завода. Ими был составлен акт о прекращении работ, забиты двери некоторых цехов и на них наложены печати. Епархиальное руководство, видя сложившуюся ситуацию, решило принять меры. Вечером 7 января в здании мещанской управы состоялось совместное собрание комитета свечного завода и исполнительного комитета объединенного духовенства и мирян города Орла. Председательствовал на собрании епископ Елецкий Амвросий. На собрании было принято постановление о закрытии свечных лавок в Орле, впредь до окончательного решения вопроса с рабочим комитетом свечного завода. Разрешение конфликта с рабочими должно было состояться на собрании, намеченном на 9 января. Однако в силу неизвестных причин собрание не состоялось: по всей видимости, с рабочими удалось договориться кулуарно. С 10 января 1918 г. работы на заводе возобновились.

20 Иконников С. А. Церковно-свечная операция и создание свечных заводов в епархиях Центрального Черноземья в конце XIX века: к истории вопроса // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4 (48). С. 122.

21 На свечном заводе // ГН. 1918. № 5. С. 3.

22 Там же.

23 Там же.

Конфликт, вызванный положением о рабочем контроле, отнюдь не погас. Объявленный на заводе 8-часовой рабочий день понизил норму выработки, удовлетворяющую потребности епархии. На заводе была введена вторая смена, состоявшая «преимущественно из интеллигентов — бывших офицеров и учащихся высших учебных заведений»²⁴. Первая смена рабочих завода была против подобного рода мер. Они всячески мешали работать новым коллегам и стали между собой называть их «корниловцами»²⁵. Казалось, что ситуация с рабочим контролем хоть и не разрешилась в какую-либо сторону, но работа завода продолжалась.

Через месяц, в феврале 1918 г., конфликт на заводе вспыхнул с новой силой. Вернувшийся с фронта помощник бухгалтера завода и по совместительству псаломщик Ахтырской церкви города Орла Широков объявил рабочим о необходимости окончательно взять контроль над заводом в свои руки. Газета «Голос народа» сообщала, что на фронте Широков вступил в партию большевиков²⁶. Очевидно, Широков действовал не по своей воле, а по заданию партии, решившей вопрос о «национализации» завода. Двадцатого февраля по новому стилю Широков объявил, что ранее достигнутые договоренности с епархией: допуск рабочих к рассмотрению непосредственно заводских дел, а конкретно к деятельности производственных мастерских — являются недостаточными²⁷.

Но епархиальное руководство не могло согласиться на такие условия. По указанию епископа Серафима завод был закрыт, на двери заводских мастерских были наложены печати. Рабочие доложили о случившемся комиссару труда, который разрешил рабочим снять печати и приступить к работе²⁸. На следующий день утром рабочие пришли на завод и, удалив охранявшую завод милицию, объявили о собрании. После собрания рабочие отправились к смотрителю завода священнику Сокольскому с требованием ключей от мастерской. Священник ответил на это требование отказом, на что делегаты завода пригрозили смотрителю ответственностью за «неподчинение власти»²⁹. Опасаясь насилия со стороны рабочих, Сокольский отдал ключи Широкову. Рабочие сорвали печати с дверей и объявили о том, что комитет свечного

24 На свечном заводе // ГН. 1918. № 18. С. 3.

25 Там же.

26 Псаломщик-большевик // ГН. 1918. № 26. С. 3.

27 Захват рабочими свечного завода // ОЕВ. 1918. № 3–4. С. 91.

28 На свечном заводе // ОИСРСиКД. 1918. № 17. С. 3.

29 Захват рабочими свечного завода // ОЕВ. 1918. № 3–4. С. 92.

завода, доселе управлявший заводом, упраздняется, главой завода был объявлен Широков. О том, что грубый и бесцеремонный захват власти на свечном заводе был организован и координировался большевистской властью, говорит тот факт, что в скором времени глава комитета свечного завода протоиерей Николай Поликарпов был вызван на допрос к городскому комиссару Поздневу, который, используя психологическое воздействие, принудил Поликарпова оставить управление заводом³⁰. Епархиальная власть решила повлиять на Широкова каноническими методами — он был исключен из духовного звания³¹. Но, как показали дальнейшие события, исключение из числа церковнослужителей стало для Широкова абсолютно пустым звуком. Епархиальное руководство имело дело уже не с богобоязненным псаломщиком, а с утвердившимся атеистом.

Епархиальное руководство пыталось решить вопрос о деятельности свечного завода в свою пользу. На 27 и 28 марта 1918 г. епархиальное управление назначило епархиальный съезд, на который должны были собраться представители всех уездов в количестве семидесяти двух депутатов³². Съезд был призван урегулировать конфликт на свечном заводе³³. Видимо, епархиальное руководство еще не до конца понимало, что советская власть ни на какие компромиссы идти не собирается. Однако в защиту епархиального управления можно сказать следующее: Орловская епархия действительно столкнулась с тем, с чем на тот момент ни сталкивалась ещё ни одна епархия Русской Церкви. Орловский свечной завод стал первым в России предприятием такого типа, перешедшим в руки рабочих. К тому же, вплоть до конца 1918 г. не все свечные заводы России ещё перешли в руки рабочих, а по сути, в собственность государства³⁴. Поэтому Орловскому епархиальному управлению приходилось действовать в совершенно новых условиях. Никакого опыта взаимодействия с большевиками в таких вопросах ещё ни у кого не было.

За неделю до съезда духовная консистория обратилась к комиссару по гражданским делам Бурову с отношением по поводу возможности созыва съезда. Сделано это было в связи с тем, что Орёл находился

30 Захват рабочими свечного завода // ОЕВ. 1918. № 3–4. С. 92.

31 К беспорядкам на свечном заводе // ОВ. 1918. № 34. С. 3.

32 Созыв епархиального съезда // ОЕВ. 1918. № 3–4. С. 79.

33 Там же.

34 На свечном заводе // ИОГИС. 1919. № 259. С. 4.

на осадном положении³⁵. Ответа на запрос не последовало, что, по всей видимости, было воспринято епископом как знак молчаливого согласия: 27 марта в 12 часов дня в здании Петропавловского братства собрались тридцать делегатов съезда. В это же время к помещению братства подъехал грузовик, в котором находились около сорока вооруженных матросов. Покинув грузовик, матросы вошли в зал заседаний и стали оскорблять собравшихся священников: «Зачем вы собрались здесь, длинноволосые? Нужно им всем стричь волосы, обманщикам»³⁶. Матросами было объявлено об аресте всех участников епархиального съезда. После этого часть матросов во главе с заместителем Орловского исполкома Ароновым и заместителем конторщика свечного завода Комаровым на грузовике приехали в архиерейский дом. Их целью был арест епископа Серафима. Находящему в доме владыке было объявлено, что он арестован и посажен под домашний арест. Присутствующие в комнате матросы начали оскорблять епископа:

«Вишь, как живет обманщик <...> а не правда ли, похож ведь на черта, особенно в клобуке <...> довольно обманывать народ каким-то Богом и каким-то Иисусом»³⁷.

Епископу Серафиму было приказано отправиться на съезд, по призыву на который Аронов предложил владыке объявить о причинах съезда, что, собственно, и было сделано архипастырем. Выслушав епископа, Аронов объявил съезд распущенным. Постановлением Исполнительного комитета Советов, девять человек, участвовавших в открытии съезда, были арестованы и отправлены в каторжную тюрьму³⁸. Епископ Серафим был отпущен под подписку о невыезде. Как отмечал иерарх в своем рапорте на имя Святейшего Патриарха Тихона,

«протоиерей Поликарпов и священники Архангельский и Рождественский арестованы за нежелание работать совместно с рабочим комитетом и будут обвинены в саботаже, протоиерей Оболенский — за свою контрреволюционную деятельность вообще, преподаватель Успенский — за свои выступления на приходских собраниях против декретов народных комиссаров и по поводу захвата свечного завода

35 Рапорт епископа Орловского Серафима (Остроумова) Святейшему Патриарху Тихону о конфликте между администрацией и рабочими свечного завода Орловской епархии и арестах депутатов епархиального съезда духовенства и мирян и епископа Серафима // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 25. С. 224.

36 Там же.

37 Там же.

38 Арест // ОИСРСИКД. № 33.С. 3.

рабочими, священник Мерцалов и церковный староста Есменский — за требование от явившихся в помещение братства матросов их мандатов, преподаватель Полунин — за помещение в епархиальных вedomостях статьи под заглавием “Захват рабочими свечного завода”»³⁹.

Молодая советская власть, опасаясь реакции простых верующих, решила отпустить арестованных священников. Видимо, большевики хотели напугать духовенство, лишить сил и надежд на какое бы то ни было сопротивление. Кроме протоиерея Аркадия Оболенского, восемь арестованных членов съезда были отпущены 3 апреля, их даже не допросили, что подтверждает догадку о «воспитательных» целях этого мероприятия⁴⁰. Наконец, 4 апреля 1918 г. под подписку о невыезде был освобожден протоиерей Аркадий Оболенский⁴¹.

Свечной завод был окончательно передан в управление рабочих 8 апреля 1918 г., о чём был составлен соответствующий акт. Всё имущество, находившееся в собственности завода, а также уже произведенные товары, в том числе и сырье, передавалось в руки рабочего заводского комитета. Акт принимала контрольная комиссия в составе трех её членов⁴². Для епархии потеря завода была страшным ударом — отныне бремя содержания епархиального управления, епархиальных учебных заведений ложилась на плечи и без того нуждающегося духовенства. Причём в условиях большевистских экономических экспериментов в виде военного коммунизма орловское духовенство с каждым днем становилось всё беднее и беднее. Это же касалось и обычных граждан Орловской губернии.

После передачи завода в руки рабочих, комитет завода стал подотчетен губернскому комиссариату труда. К концу 1918 г. «рабочий контроль» над заводом привел к тому, что убыток завода составил порядка

39 Рапорт епископа Орловского Серафима (Остроумова) Святейшему Патриарху Тихону о конфликте между администрацией и рабочими свечного завода Орловской епархии и арестах депутатов епархиального съезда духовенства и мирян и епископа Серафима. С. 226.

40 Письмо епископа Орловского Серафима (Остроумова) святейшему патриарху Тихону с сообщением об освобождении арестованных депутатов орловского епархиального съезда духовенства и мирян 22 марта (4 апреля) 1918 г. // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 25. С. 288.

41 Письмо епископа Орловского Серафима (Остроумова) святейшему патриарху Тихону с сообщением об освобождении из-под ареста депутата Орловского епархиального съезда духовенства и мирян протоиерея А. Оболенского // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 25. С. 305.

42 К переходу свечного завода в управление рабочих. Акт // ОЕВ. 1918. № 10. С. 245–246.

двадцати пяти тысяч рублей⁴³. Действия советской власти оказались крайне непродуманными и опрометчивыми. Никто не думал о последствиях и убытках. Во главу угла ставился исключительно популизм.

Декреты «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния»

Таковыми же популистскими были декреты от 16 декабря 1917 г. «О расторжении брака»⁴⁴ и от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов состояния». Согласно этим декретам, государство признавало только гражданский брак — в терминологии начала XX в. это брак, который регистрировался государственными органами, минуя церковные инстанции.

Согласно пункту 14 декрета от 18 декабря 1917 г.: «Всем духовным и административным учреждениям, коим ранее была подведомственна регистрация браков, рождений и смерти по обрядам каких бы то ни было вероисповедных культов, предписывается незамедлительно эти регистрационные книги для дальнейшего их хранения переслать в соответствующие городские, уездные и волостные земские управы»⁴⁵. По сути, у Церкви явочным порядком изымалась метрическая документация. При этом не было никакой подготовки к приему этой документации органами государственной власти и никакого согласования с епархией вопросов о некоем переходном периоде. Неудивительно, что в декабре 1917 г., по выражению исследователя П. Г. Рогозного, «декрет “прошел фактически незамеченным”»⁴⁶. Да и большевики до «Декрета об отделении Церкви от государства» никаких особых шагов к реализации декрета о браке не предпринимали.

Декрет о браке, как уже было сказано, вносил сумятицу и вообще не принимал в расчет подавляющее большинство граждан Орловской губернии — верующих православных христиан. В феврале коммунистическая власть потребовала у Консистории передать бракоразводные дела в ведение Особых судов и постановила, что если требование о передаче бракоразводных дел в гражданские органы не будет исполнено, то «бракоразводные дела будут взяты из консистории с применением

43 На свечном заводе // ИОГиС. 1919. № 259. С. 3.

44 Декрет о расторжении брака // Декреты Советской власти. Т. 1. Москва, 1957. С. 237–239.

45 Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния // Декреты Советской власти. Т. 1. Москва, 1957. С. 249.

46 Рогозный П. Г. Православная Церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920. Москва, 2018. С. 226.

вооруженной силы и служащие будут той же силой заставлены к сдаче дел по описи»⁴⁷. Иными словами, большевики применили свой любимый прием — угрозы и применение грубой силы. Присутствие консистории 26 марта 1918 г. подписало акт о передаче бракоразводных дел гражданским судам с условием, «что вся тяжесть и дальнейшая судьба бракоразводных дел ложится целиком и полностью на плечи комиссара»⁴⁸.

Однако поспешность в этом деле поразительна. Ещё за месяц до «передачи» бракоразводных дел из консистории в ведение судов никакого брачного отдела организовано большевистской властью не было. Как отмечала газета «Голос народа», отдельные граждане уже обращались в земскую управу с просьбой о совершении гражданского брака, однако ввиду отсутствия в управе соответствующего отдела просителям было отказано. Просящие же развода направлялись управой к мировым судьям⁴⁹.

Некоторые прихожане восприняли декрет о браке как возможность развестись и вступить в новый церковный брак без решения церковного суда, чего особенного опасалось епархиальное руководство. Например, священник Дмитровского уезда доносил Преосвященному Серафиму о том, что сельским сходом было постановлено принудить священника обвенчать новый брак, расторгнутый сельским приговором⁵⁰. По всей видимости, подобные случаи стали нередкими. Простой народ не очень понимал всех тонкостей отличий брака церковного и от брака гражданского. Определением Священного Собора Православной Российской Церкви от 4 марта 1918 г. церковный брак не мог быть расторгнут гражданской властью и все, кто совершает подобное расторжение минуя церковный суд, обвиняются «в поругании Таинства Брака»⁵¹.

В августе 1918 г. Орловским ревтрибуналом рассматривалось дело о саботаже епископа Серафима и членов Духовной консистории. Суть обвинения сводилась к тому, что епископ Серафим и Духовная консистория проигнорировали «Декрет о гражданском браке» и не дали распоряжение духовенству Орловского уезда передать метрические книги местным властям. На допрос был вызван епископ Серафим. Он показал,

47 Передача бракоразводных дел из Консистории // ОЕВ 1918. № 10. С. 244–245.

48 Там же.

49 Брачный отдел // ГН. 1918. № 28. С. 3.

50 О венчании по расторжению брака // ОЕВ. 1918. № 9. С. 199.

51 Определение Священного Собора Православной Российской Церкви по поводу декретов о расторжении брака и о гражданском браке // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. Москва, 1996. С. 17.

что относительно вопроса выдачи метрических книг по Орловскому уезду от Орловского епархиального управления нет никаких запрещений. Уездный исполком, в отличие от Орловского горисполкома, не обратился к епископу и епархиальному управлению с просьбой о выдаче государству метрических книг. По словам епископа, если бы подобное обращение было сделано, то «епархиальное начальство немедленно сделало бы такое распоряжение о выдаче»⁵². Принимая доводы епископа, следствие пришло к выводу о том, что в действиях епископа и консистории нет состава преступления и дело было закрыто.

Наконец 15 августа 1918 г. местная власть открыла в Орле отдел совершения браков и записей рождения и смерти. В специально изданном постановлении орловского горисполкома говорилось, что браки по церковным обрядам, совершенные гражданами после 15 августа, не будут признаваться государством. Церковные браки, заключённые на территории Орловской губернии до 15 августа 1918 г., имеют законную юридическую силу⁵³. В этой связи не очень понятна поспешность Совета народных комиссаров, принявших в декабре 1917 г. декреты о браке и актах гражданского состояния. К тому же «Декрет об отделении Церкви от государства» в некоторых своих пунктах дублировал ранее принятые положения. Своими действиями большевики внесли недоумения и неудобства, за что орловское духовенство иногда подвергалось издевательствам, угрозам и арестам.

Население также не очень понимало смысл большевистских нововведений относительно регистрации брака и учета рождений и смертей. Например, в 1919 г. на заседании Дмитровского уездного комитета РКП (б) на повестку дня был поставлен вопрос о том, что некоторые коммунисты, пренебрегая постановлениями правительства и партии, вступают в церковные браки. Замеченных в подобном предлагалось подвергать партийному суду⁵⁴.

Заключение

Большевистское правительство уже в первые месяцы своего существования издало ряд декретов, косвенно затрагивающих церковную жизнь в Орловской губернии. «Декрет о земле» вызвал повальную экспроприацию имущества, принадлежавшего церквам и монастырям Орловской

52 ГАОО. Ф. Р-1144. Оп. 1. Д. 52. Л. 4.

53 Постановление Орловского Горисполкома о гражданских браках, записи рождения и смерти // ОЕВ. 1918. № 17. С. 451.

54 Церковный брак // ИОГИС. 1919. № 315. С. 4.

епархии, зачастую лишая священнослужителей и монашествующих элементарных средств к существованию. «Положение о рабочем контроле» привело к волнениям на епархиальном свечном заводе, тем самым над причтами Орловской епархии нависла угроза остаться без необходимых для богослужения предметов. Применяя репрессии, орловские большевики отобрали у Орловской епархии свечной завод, лишив консисторию львиной доли доходов, необходимых для её функционирования. «Декрет о гражданском браке» был направлен на вытеснение Церкви из общественной жизни губернии: Церковь отныне лишалась права вести метрификацию, а церковный брак более не был обязательным. Однако население не очень понимало смысла этих нововведений, да и никакой подготовки для введения новых правил большевиками сделано не было: первый орган ЗАГС появился в Орле только через девять месяцев после выхода Декрета. Таким образом, вытравить в одночасье из народа сложившийся за века образ жизни, центром которого был приходской храм, оказалось крайне сложно. К тому же действия большевиков во многом озлобляли население, крайне негативно относившееся к подобного рода переменам. По всей видимости, большевики совершенно не знали народа, от имени которого якобы выступали.

Архивные материалы

- ГАОО. Ф. Р–81. Ф. Р–81. Орловский губернский комиссар Временного Правительства. Оп. 1. Д. 50. Телеграммы трубчевского уездного комиссара Временного правительства.
- ГАОО. Ф. Р–1144. Орловский губернский революционный трибунал. Д. 52. Дело по обвинению епископа Серафима и священников Первоозванского, Кулакова, Соколова, Аракина и Архангельского в саботаже и преступном бездействии власти.

Источники

- Арест // ОИСРСиКД. № 33. С. 3.
- Брачный отдел // Голос Народа. 1918. № 28. С. 3.
- Вмешательство крестьян в управление женским монастырем // Орловский вестник. 1917. № 251. С. 3.
- Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния // Декреты Советской власти. Т. 1. Москва: Госполитиздат. 1957. С. 247–249.
- Декрет о земле съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Декреты Советской власти. Т. 1. Москва: Госполитиздат. 1957. С. 17–20.
- Декрет о расторжении брака // Декреты Советской власти. Т. 1. Москва: Госполитиздат, 1957. С. 237–239.

- Захват монастырского имущества // Орловские Епархиальные Ведомости. 1918. № 5–6. С. 131–132.
- Захват рабочими свечного завода // Орловские Епархиальные Ведомости. 1918. № 3–4. С. 91–92.
- К беспорядкам на свечном заводе // Орловский вестник. 1918. № 34. С. 3.
- К переходу свечного завода в управление рабочих. Акт // Орловские Епархиальные Ведомости. 1918. № 10. С. 245–246.
- Кромской уезд // Орловские известия советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. № 17. С. 2.
- Нам пишут. Из Кромского уезда // Орловский Вестник. 1918. № 40. С. 4.
- На свечном заводе // Голос Народа. 1918. № 5. С. 3.
- На свечном заводе // Голос Народа. 1918. № 18. С. 3.
- На свечном заводе // Известия Орловского городского и губернского советов рабочих, крестьянских и красно-армейских депутатов. 1919. № 259. С. 3–4.
- О венчании по расторжению брака // Орловские Епархиальные Ведомости. 1918. № 9. С. 199.
- Ограбление Брянской Троицкой пустыни // Орловские Епархиальные Ведомости. 1918. № 7–8. С. 168.
- Определение Священного Собора Православной Российской Церкви по поводу декретов о расторжении брака и о гражданском браке // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. Москва: Изд. Библейско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. С. 17–18.
- Передача бракоразводных дел из Консистории // Орловские Епархиальные Ведомости. 1918. № 10. С. 244–245.
- Письмо епископа Орловского Серафима (Остроумова) святейшему патриарху Тихону с сообщением об освобождении арестованных депутатов орловского епархиального съезда духовенства и мирян 22 марта (4 апреля) 1918 г. // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 25. Москва: Изд. Новоспасского монастыря, 2022. С. 288.
- Письмо епископа Орловского Серафима (Остроумова) святейшему патриарху Тихону с сообщением об освобождении из-под ареста депутата Орловского епархиального съезда духовенства и мирян протоиерея А. Оболенского // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 25. Москва: Изд. Новоспасского монастыря, 2022. С. 305–306.
- Погромная волна // Голос Народа. 1918. № 7. С. 4.
- Положение о рабочем контроле // Декреты Советской власти. Т. 1. Москва: Госполитиздат, 1957. С. 83–85.
- Постановление Орловского Горисполкома о гражданских браках, записи рождения и смерти // Орловские Епархиальные Ведомости. 1918. № 17. С. 450–451.
- Псаломщик-большевик // Голос Народа. 1918. № 26. С. 3.
- Разграбление монастыря // Орловский вестник. 1917. № 268. С. 3.
- Разгром монастыря // Орловские Епархиальные Ведомости. 1918. № 5–6. С. 130–131.

- Рапорт епископа Орловского Серафима (Остроумова) Святейшему Патриарху Тихону о конфликте между администрацией и рабочими свечного завода Орловской епархии и арестах депутатов епархиального съезда духовенства и мирян и епископа Серафима // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 25. Москва: Изд. Новоспасского монастыря, 2022. С. 223–226.
- Рапорт настоятельницы Ливенского Марие-Магдалиненского монастыря игумении Магдалины епископу Орловскому Серафиму (Остроумову) об ограблении вверенного ей монастыря // Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 25. Москва: Изд. Новоспасского монастыря, 2022. С. 133.
- Рубка монастырского леса // Голос Народа. 1917. № 156. С. 4.
- Созыв епархиального съезда // Орловские Епархиальные Ведомости. 1918. № 3–4. С. 79–80.
- Церковный брак // Известия Орловского городского и губернского советов рабочих, крестьянских и красно-армейских депутатов. 1919. № 315. С. 4.

Литература

- Иконников С. А. Церковно-свечная операция и создание свечных заводов в епархиях Центрального Черноземья в конце XIX века: к истории вопроса // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4 (48). С. 117–124.
- Рогозный П. Г. Православная Церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920. Москва: «Весь мир», 2018.
- Перельгин А. И. Русская Православная Церковь в Орловском крае 1917–1953 гг.: [дис... канд. истор. н.: 07.00.02]. Орел, 2009.
- Ливцов В. А. Репрессивная политика советской власти в отношении Русской Православной Церкви на территории Орловской губернии в годы Гражданской войны и после ее окончания // Современные проблемы регионалистики: Сборник по материалам II Мерцаловских чтений. Т. 1. Орёл: Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, 2016. С. 244–248.